

Изъ жизни инженера путей сообщенія.

В в е д е н і е.

Нодъ вышеуказаннымъ заглавіемъ я хотѣлъ бы подѣлиться съ читателями своими воспоминаніями изъ многолѣтней трудовой жизни русскаго техника, принадлежащаго къ составу членовъ, считающейся у насъ въ Россіи почему-то особо завидной профессіи—желѣзнодорожнаго „путейца“.

Прочтя мое безыскусственное повѣствованіе, читатели ознакомятся съ дѣйствительнымъ положеніемъ и обстановкою, въ которой приходится нести далеко нелегкую службу большинству нашихъ желѣзнодорожныхъ инженеровъ, и, быть можетъ, измѣнятъ глубоко укоренившееся въ обществѣ убѣжденіе, что желѣзнодорожные инженеры, составляя какую-то привилегированную касту, остаются безъ обузданія своего произвола, и дѣлая, что хотятъ, въ сущности являются не проводниками интересовъ общества и государства, а скорѣе шайкою какихъ-то эксплуататоровъ. Говоря это, я далекъ отъ мысли увѣрять, что все существующее въ обществѣ желѣзнодорожныхъ инженеровъ составляетъ идеаль желаемого, но хочу только заявить, что несправедливо и неправильно всѣ неурюстройства въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ приписывать инженерамъ. Смѣю предполагать, что такой взглядъ покоится на рядѣ недоразумѣній и неправильномъ обобщеніи фактовъ, добытыхъ результатами постройки желѣзныхъ дорогъ, справедливыхъ въ отдѣльности, но не могущихъ быть связанными въ одно цѣлое при выводѣ заключенія о пользѣ и дѣятельности инженеровъ вообще. Такой взглядъ неправиленъ въ своей основѣ, и общество, осуждавшее и осуждающее инженеровъ, взвѣшиваетъ дѣятельность большинства изъ нихъ на „вѣсахъ не-

правильныхъ“, о которыхъ еще Соломонъ сказалъ, что они „противны Іеговѣ“.

Ниже читатель увидитъ, какова въ среднемъ была за двадцатипятилѣтіе инженерной службы жизнь одного изъ такихъ „привилегированныхъ“ дѣятелей.

Г л а в а I.

Два слова о дѣтствѣ.—Годы ученія въ нѣмецкомъ Петропавловскомъ училищѣ.—„Толстовщина“ и учебные годы въ гимназіи.—Пребываніе въ университетѣ.—Воспоминанія о Тургеневѣ и Достоевскомъ.—Поступленіе въ институтъ путей сообщенія.

Родился я 16 февраля 1857 года въ городѣ Москвѣ на Спиридоновской улицѣ въ домѣ, принадлежавшемъ дѣду моему—профессору римскаго права Московскаго университета С. И. Любимову. Отецъ мой, старшій сынъ дѣда, былъ глухонѣмой, женившійся, по окончаніи курса въ институтѣ для глухонѣмыхъ въ С.-Петербургѣ, на матери моей, нѣмкѣ по происхожденію, дочери лектора итальянскаго языка въ Московскомъ университетѣ А. Х. Каспари и дальней родственницѣ извѣстнаго швейцарскаго педагога Песталоцци. Впослѣдствіи мать рассказывала мнѣ, какъ сильны были ея опасенія, что дѣти ея будутъ глухонѣмыми, что, по счастью, на дѣлѣ не оправдалось. Дѣтство мое до 10-ти-лѣтняго возраста протекло почти цѣликомъ въ деревнѣ въ маленькомъ подмосковномъ имѣніи, отданномъ въ распоряженіе моему отцу его родителями. Весну, лѣто, осень и большую часть зимы, жили мы безвыѣздно въ деревнѣ, пріѣзжая только на нѣсколько недѣль зимой въ Москву. Близко сроднившійся съ деревней по первымъ шагамъ своимъ въ жизни, я до сихъ поръ люблю въ часы досуга припоминать всѣ обстоятельства этой почти безмятежной поры. На ея свѣтломъ фонѣ обрисовываются двѣ личности, выдающіяся по своимъ далеко незауряднымъ нравственнымъ качествамъ: это моя мать, которой я кругомъ обязанъ своимъ воспитаніемъ вообще и хорошимъ знаніемъ языковъ, въ частности, и старушка няня, проведенная въ домѣ нашемъ 34 года, неустанный другъ и утѣшительница моя во всѣхъ дѣтскихъ, юношескихъ и позднѣйшихъ горестяхъ и невзгодахъ. Это былъ въ полномъ смыслѣ благороднѣйшій типъ дворовой няни прежнихъ временъ. Портретъ этой идеальной старушки сопровождалъ меня во всѣхъ моихъ странствіяхъ и понынѣ стоитъ на моемъ письменномъ столѣ.

Въ 1867 году мы на зиму переселились въ Москву, чтобы подгото- вить меня въ какое-либо учебное заведеніе. Учителемъ готовившимъ меня по математикѣ былъ, между прочимъ, извѣстный фельето- нистъ „Новаго Времени“ Буренинъ, тогда еще скромный студентъ Московскаго университета. Въ Москвѣ въ то время почему-то счи- талось особенно моднымъ нѣмецкое училище при лютеранской церкви св. Петра и Павла. Туда меня и отдали. Режимъ, царившій въ этомъ заведеніи, стоитъ того, чтобы о немъ упомянуть попо- добнѣе: съ учениками обращались далеко не педагогическими прие- мами. Учитель русскаго языка, Фалѣевъ, бранилъ всѣхъ въ глаза не стѣсняясь: „стой, дуракъ, болванъ, дубина и т. п.“—вотъ были его любимыя выраженія. Учитель латинскаго языка д-ръ Крамеръ колотилъ учениковъ по рукамъ беспощадно линейкою, дралъ за уши и ставилъ въ уголь на колѣни по цѣлымъ часамъ. Припоминаю по сему поводу комичный эпизодъ. Въ то время впервые начиналъ функціонировать въ Москвѣ институтъ мировыхъ судей, и вотъ, когда д-ръ Крамеръ вызвалъ къ каедрѣ товарища моего Чуркина и нещадно дралъ его линейкою по рукамъ за то, что тотъ во время урока игралъ на „перышкахъ“, то Чуркинъ, сначала стойчески вы- носившій истязаніе, подъ конецъ не выдержалъ и закричалъ: „Гос- подинъ Крамеръ, перестаньте, а не то подамъ на Васъ мировому судѣ“. Тотъ же Крамеръ отбиралъ у учениковъ всѣ сколько-ни- будь красивые перочинные ножи, ручки и т. п. и заполнялъ ими ящики комода въ своей квартирѣ. Учитель французскаго языка, швейцарецъ Денореа, мужчина громаднаго роста и атлетическаго сложенія, за малѣйшую шалость дралъ провинившагося за уши. Помню, напримѣръ, такой случай: товарищъ мой Фабриковъ увлекся игрою въ „юлу“, Денореа незамѣтно подкрался къ нему и схватилъ за уши, на ухахъ пронесъ его черезъ весь классъ и вышвырнулъ за дверь. Какъ у Фабрикова не оборвались уши, я и до сихъ поръ не могу себѣ представить. Одинъ изъ любимѣйшихъ приемовъ об- щаго наказанія всего класса, обыкновенно за то, что классъ не вы- давалъ провинившагося товарища, заключался въ томъ, что весь классъ оставался до поздняго вечера (8—9 часовъ) сидѣть въ учи- лищѣ подъ арестомъ, безъ права, что-либо перекусить. Измученные, проголодавшіеся ученики, чтобы нѣсколько утолить голодъ, грызли и сосали ремни отъ своихъ сумокъ и ранцевъ. Вотъ тѣ изуми- тельные педагогическіе приемы, которые практиковались въ этомъ образцовомъ училищѣ. Въ исключительныхъ случаяхъ прибѣгали къ поркѣ. Ученье почти всѣхъ предметовъ шло на нѣмецкомъ языкѣ, и мнѣ впоследствии было крайне тяжело привыкать снова къ обо- роту русскихъ фразъ. Особенно плохо была поставлена математика.

Я рѣшительно ничего не понималъ, и посему оцѣнка моихъ познаній за семестръ однажды вылилась въ форму „Einige“ — 1 + (балль). Эта неправильная постановка основъ математики отразилась, какъ будетъ видно въ дальнѣйшемъ, на моихъ успѣхахъ по сему предмету и въ казенной гимназій, куда меня отдали послѣ четырехлѣтняго толченія воды въ Петропавловскомъ училищѣ.

Московская 3-ья гимназія, въ четвертый классъ которой я поступилъ въ 1872 году, примѣчательна по историческому значенію зданія, въ которомъ она помѣщается. Домъ ея, какъ свидѣтельствуется преданіе и какъ подтверждаютъ многіе изслѣдователи древностей московскихъ, представляетъ замѣчательный историческій памятникъ. Это домъ боярина и воеводы князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго. Икона Знаменія Божіей Матери со времени князя Пожарскаго находится на особо устроенномъ каменномъ столбѣ, помѣщенномъ въ оградѣ дома, выходящей на Большую Лубянку. Эта икона всегда была предметомъ особаго почитанія. Преданіе объясняетъ это тѣмъ, что во время бывшаго при Аннѣ Іоанновнѣ пожара, извѣстнаго подъ именемъ „Троицкаго“, когда почти вся Лубянка выгорѣла, разрушительное дѣйствіе пламени остановилось, когда огонь дошелъ до того дома, на воротахъ коего находилась эта икона. Роскошная внутренняя отдѣлка дома: лѣпные потолки, стѣны подъ мраморъ, художественнаго рисунка чугунная лѣстница и т. п. — вотъ отличительныя особенности самого зданія гимназій. Исторія украсила впоследствии стѣны гимназій и другими достопримѣчательностями. Это мраморныя доски съ исполненными рельефными золотыми буквами надписями о посѣщеніи гимназій Государемъ Императоромъ Александромъ II въ 1862 году и Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ въ 1856 году. Его Высочество вошелъ въ классъ въ то время, когда одинъ изъ учениковъ, начертивъ на доскѣ на память карту Восточной Азій, началъ отвѣчать заданный на тотъ день урокъ. Узнавъ, о чемъ идетъ разговоръ, и взглянувъ на ученическій набросокъ карты, Его Высочество замѣтилъ, что на всѣхъ картахъ, русскихъ и иностранныхъ, положеніе устьевъ Амура и близъ лежащихъ частей Азій показано не вѣрно; оно окончательно передѣлано лишь въ самое послѣднее время русскими моряками.

Его Высочество, взявъ въ руки мѣль, собственноручно сдѣлалъ чертежъ и сообщилъ при этомъ о расположеніи русскихъ поселеній въ низовьяхъ Амура, а также о мѣстахъ стоянки и о передвиженіи судовъ русскихъ и англійскихъ у восточныхъ береговъ Азій во время крымской кампаніи. Въ память посѣщенія Великаго Князя начальство гимназій, испросивъ разрѣшеніе, вырѣзало изъ доски ту

часть ея, на которой помѣщался начертанный рисунокъ, и помѣстило его въ особую рамку съ надписью „18 сентября 1856 года“. Этотъ рисунокъ до настоящаго времени украшаетъ стѣну той классной комнаты, въ которой изволилъ быть Его Высочество.

Время пребыванія моего въ гимназіи совпадаетъ съ самымъ тяжелымъ періодомъ давленія классицизма при министрѣ народнаго просвѣщенія Толстомъ. Всѣ предметы были подавлены въ угоду латинскому и греческому языкамъ. Переводы и *Extemporalia* не только съ латинскаго и греческаго на русскій, но съ латинскаго на греческій и наоборотъ, вотъ тѣ кунштюки, которые заставляли продѣлывать несчастныхъ гимназистовъ, совершенно забросивъ естественныя науки и русскую литературу. Мы еле добрались до Пушкина, а о существованіи Тургенева, Толстого и Достоевскаго узнали только внѣ стѣнъ гимназіи. Насъ заставляли стричь волосы, брить проблески усовъ, наказывали за случайно оторвавшуюся пуговицу мундира, сажали въ карцеръ за ношеніе ранцевъ подъ мышкой, а не на спинѣ. Для сего въ подворотняхъ ближайшихъ къ гимназіи улицъ нерѣдко устанавливались надзиратели, которые слѣдили издали за проходившими гимназистами и записывали провинившихся. Самъ я помню, какъ по окончаніи лѣтнихъ каникулъ въ VII классѣ, я вернулся въ гимназію съ едва замѣтнымъ проблескомъ растительности на верхней губѣ. Ко мнѣ тотчасъ же подошелъ нашъ классный наставникъ и преподаватель латинскаго языка, директоръ гимназіи В. И. Малиновскій, и сказалъ: „Любимовъ, у нѣкоторыхъ индѣйцевъ существуетъ обычай праздновать появленіе усовъ и бороды у юношей, но засимъ имъ вырываютъ разъ навсегда всякую растительность. Такъ и Вы отпразднуйте Ваши усики и бороду и отправляйтесь сейчасъ же къ цирюльнику“. Самъ по себѣ директоръ гимназіи, несмотря на свою строгость и наружно неприступный видъ, былъ человекомъ добрымъ, всегда готовымъ придти на помощь нуждающемуся ученику. Онъ очень любилъ меня, но самъ не замѣчая, что подавляющія занятія классиками убиваютъ въ насъ возможность развитія математическаго мышленія, считалъ меня абсолютно неспособнымъ къ математикѣ и уговаривалъ по окончаніи гимназіи отправиться на казенный счетъ въ Лейпцигскій филологическій институтъ для подготовки въ преподаватели классическихъ языковъ. Идя все время пребыванія въ гимназіи первымъ ученикомъ, я, благодаря приглушенію математическихъ способностей, на письменномъ выпускномъ экзаменѣ не могъ вѣрно рѣшить задачи по ариѳметикѣ и, получивъ въ среднемъ выводѣ 4 изъ математики, былъ выпущенъ изъ гимназіи не съ золотою, а съ серебряною медалью. Это было первое

мое, какъ мнѣ казалось тогда, серьезное горе въ жизни. Я заявилъ директору, что отказываюсь отъ медали и на зло ему поступаю на математическій факультетъ, что вызвало съ одной стороны увѣщаніе все-таки принять медаль, а съ другой пожатіе плечами и сожалѣніе о непроездительномъ шагѣ. Тѣмъ не менѣе личность В. И. Малиновскаго заслуживаетъ, чтобы на ней остановиться нѣсколько долѣе. Ученикъ Грановскаго, воспитанникъ Московскаго университета въ самую блестящую его эпоху, В. И. внесъ въ гимназическое преподаваніе латинскаго языка тотъ методъ, который позаимствовалъ по слушанію исторіи у знаменитаго московскаго профессора и который столь обязательно дѣйствовалъ на его слушателей; глубоко обдумывалъ онъ каждый урокъ, готовился къ нему чтеніемъ историческихъ источниковъ и излагалъ предметъ превосходно и краснорѣчиво, отчего получилъ отъ насъ, учениковъ, прозвище „Кикеръ“ (Цицеронъ). Главной цѣлью его преподаванія было, чтобы классическія произведенія дѣйствовали на умъ и сердце учащихся и пріохотить ихъ къ дальнѣйшему изученію языковъ, которые онъ до фанатизма всегда считалъ главнѣйшимъ элементомъ общаго образованія. Внимательно слѣдя за усвоеніемъ учениками формальной части языкознанія, грамматики, В. И. однакоже никогда не терялъ изъ виду, что грамматика далеко не составляетъ конечной цѣли языкоученія, а служитъ лишь средствомъ къ достиженію главнаго результата—чтобы изученіе древнихъ языковъ оказывало бы должное вліяніе на мыслительныя способности. Не удивительно посему, что оба выпуска учениковъ 3-й гимназіи, доведенные В. И. до VIII класса, по латинскому языку оказывались первыми изъ числа 27 гимназій Московскаго учебнаго округа.

Но не однимъ педагогическимъ талантомъ пріобрѣлъ Вячеславъ Ильичъ глубокое уваженіе всѣхъ, знавшихъ его: еще болѣе привлекалъ онъ къ себѣ людей превосходными качествами своего характера. Тотъ всегда серьезный, задумчиво ходившій съ опущенными глазами и на видъ почти угрюмый человѣкъ, таилъ въ себѣ удивительную доброту, сердечность и человѣколюбіе. Чувство правдивости и справедливости развито было въ немъ до высочайшей степени, и никогда, ни передъ кѣмъ не колебался онъ высказывать то, что, по глубокому своему убѣжденію, считалъ справедливымъ. Никогда онъ не увлекался, а прежде, чѣмъ произнести сужденіе о комъ или о чемъ-либо, долго размышлялъ, обдумывалъ и взвѣшивалъ всѣ обстоятельства и выслушивалъ совѣты другихъ, но разъ убѣдившись, что такъ слѣдуетъ поступить и что это дѣйствительно будетъ добрымъ и полезнымъ дѣломъ, онъ уже неуклонно исполнялъ задуманное, и никакія убѣжденія, никакія просьбы

не были въ состояніи измѣнить разъ принятаго рѣшенія. Всѣ служащіе въ гимназіи глубоко уважали и очень любили В. И.; всѣ знали и чувствовали, что имѣютъ въ немъ не только начальника, но и искренняго доброжелателя и друга, который съ радостью поможетъ тамъ, гдѣ помощь нужна. Всѣ знали, что за хорошее дѣло, за хорошаго человѣка онъ готовъ заступиться, стоять горой, готовъ говорить, ходатайствовать, готовъ самъ помочь, чѣмъ только можетъ. Но въ то же время всѣмъ было извѣстно, что этотъ человѣкъ въ высшей степени неліцепріятенъ и честенъ, что не потерпитъ онъ малѣйшей неправды или уклоненія отъ служебнаго долга, что таяться онъ не станетъ, а прямо и откровенно выскажетъ то, что лежитъ у него на сердцѣ.

Годы пребыванія въ гимназіи оставили во мнѣ въ общемъ столь безотрадное воспоминаніе, что долгое время послѣ окончанія гимназіи, я, проходя мимо ея зданія, не могъ воздержаться, чтобы не плюнуть. Но вотъ открылись, наконецъ, давно желанныя двери университета. Четыре года, проведенные въ его стѣнахъ, составляютъ одно изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній и промелькнули, къ сожалѣнію, какъ быстрый сонъ. Физико-математическій факультетъ Московскаго университета стоялъ въ концѣ семидесятыхъ годовъ въ зенитѣ своей славы. Дѣйствительно, въ числѣ его профессоровъ были такіе выдающіеся ученые, какъ астрономъ Бредихинъ, математики Давидовъ, Цингеръ и Бугаевъ и механикъ Слудскій и др. Грозой студентовъ былъ профессоръ Цингеръ, рѣзавшій на 1-мъ курсѣ всѣхъ тѣхъ, кои, по его мнѣнію, не годились въ математики. Насъ было на первомъ курсѣ, если не ошибаюсь, болѣе 150 человѣкъ, а послѣ экзамена—бойни Цингера, изъ Анализа и Дефференціаловъ, продолжавшагося до 3-хъ часовъ ночи, перешло на 2-й курсъ что-то немногимъ больше 35 человѣкъ (я въ томъ числѣ, хотя и съ троечкой).—Послѣдующее прохожденіе математическихъ премудростей пошло для меня, какъ по маслу, и помню, получивъ уже при переходѣ со 2-го на 3-ій курсъ круглую пятерку, я отправился къ своему бывшему директору гимназіи, Малиновскому, и съ легкой усмѣшкой спросилъ его, продолжаетъ ли онъ считать меня за круглую тупицу по математикѣ. Бѣдный директоръ не нашелся, что отвѣтить, перемѣнилъ разговоръ и сталъ угощать чаемъ съ конфетами.

Въ 1878 г. въ Москвѣ происходили, такъ называемыя, „Пушкинскія“ торжества по случаю открытія памятника поэту въ началѣ Тверскаго бульвара. Къ этому времени съѣхались въ Москву всѣ литературныя знаменитости, и мнѣ выпало на долю видѣть и слышать Тургенева, Достоевскаго, Островскаго, Гончарова, Григоро-

вича, Писемскаго и др. на литературно-музыкальномъ вечерѣ въ залѣ Благороднаго Собранія. Вся программа была посвящена отрывкамъ изъ твореній Пушкина. Знаменитый артистъ Московскаго Малаго театра, Самаринъ, прочелъ въ соотвѣтствующей обстановкѣ сцену въ подвалѣ съ золотомъ изъ „Скупого рыцаря“, артистка Маринской оперы труппы Каменскаго спѣла нѣсколько арій, а оперный артистъ Мельниковъ великолѣпно пропѣлъ романсъ „Я здѣсь, Инезилья“. Тургеневъ прочелъ стихотвореніе „Послѣдняя туча разсѣянной бури“ и т. д. Всѣ были въ какомъ-то восторженномъ настроеніи. Мой товарищъ по университету В. Н. Лясковскій надѣлъ громадный лавровый вѣнокъ на голову или, вѣришь, туловище И. С. Тургенева, находившагося на эстрадѣ. Мы, студенты, обступили его тѣсною толпою, провожая шагъ за шагомъ по замкамъ собранія и стараясь ловить каждое его слово. Лясковскій подхватилъ Тургенева подъ руку и, захлебываясь, все только твердилъ: Иванъ Сергѣевичъ, Иванъ Сергѣевичъ.... Тургеневъ добродушно улыбался и жалъ намъ руки.—Да, памятнымъ остался у меня этотъ день. Грустно и тяжело, что всѣ эти могиканы литературнаго творчества сошли уже „подъ темны своды“, и дѣтямъ нашимъ приходится захлебываться литературной порнографіей всякихъ Максимовъ Горькихъ и Леонидовъ Андреевыхъ. Ивана Сергѣевича Тургенева пришлось мнѣ видѣть и слышать еще ранѣе, если не ошибаюсь, зимою того же 1878 г.: какъ пріятель моего хорошаго знакомаго, извѣстнаго въ свое время въ Москвѣ преподавателя пѣнія, В. Н. Кашперова—Тургеневъ согласился прочесть нѣсколько своихъ мелкихъ повѣстей на литературно-музыкальномъ вечерѣ учениковъ Кашперова въ Московскомъ Большомъ театрѣ. Помню, читалъ онъ „Бирюка“ изъ записокъ охотника. Какая дикція! Я сидѣлъ въ четвертомъ ярусѣ и, несмотря на это, могъ слышать всѣ мельчайшіе оттѣнки чтенія. Послѣ окончанія сего послѣдняго Тургеневъ просидѣлъ остальную часть вечера въ литературной ложѣ бенуара, гдѣ находилась также его неизмѣнная подруга м-мъ Віардо.

Университетская жизнь, какъ я сказалъ уже выше, шла гладко, свѣтло, при самомъ полуотческомъ, полутоварищескомъ отношеніи къ намъ, студентамъ, всего профессорскаго персонала, во главѣ сначала съ ректоромъ Соловьевымъ (извѣстнымъ историкомъ), а по его смерти ректоромъ Тихонравовымъ. Никакихъ волненій среди студенчества въ то время, по счастью, не было, если не считать нѣкотораго броженія послѣ извѣстнаго побовща, устроеннаго въ Охотномъ ряду мясниками и другими торговцами надъ группою неосторожной молодежи, устроившей торжественные проводы Кіевскимъ

студентамъ, арестованнымъ въ Кіевскомъ университетѣ и перевезившимся почему-то съ Курскаго вокзала въ Бутырскую тюрьму.

У насъ же на факультетѣ былъ только одинъ маленькій инцидентъ: отказъ держать экзаменъ изъ термодинамики безобразнѣйшимъ образомъ читанной моимъ однофамильцемъ, не безызвѣстнымъ другомъ Каткова и Леонтьева, профессоромъ физики Н. А. Любимовымъ.

Но вотъ наступилъ май 1880 г. Университетъ оконченъ со степенью кандидата математическихъ наукъ. Что же дѣлать дальше? Идти въ учителя не хочется. Чиновникомъ стать также. Рѣшилъ попытаться понасть въ институтъ путей сообщенія. Но дѣло трудное: первые два курса закрыты, приходится держать прямо на третій, слабая всѣ безъ исключенія предметы 1 и 2 курса. Уставши послѣ только-что сданныхъ университетскихъ экзаменовъ—почти немислимо немедленно приняться за уйму новыхъ предметовъ. Ъду въ Петербургъ и обращаюсь къ инспектору Института К. Н. Коковцеву съ просьбою, нельзя ли разсрочить экзамены закрытыхъ 1 и 2 курсовъ до Рождества. Получаю категорическій отказъ. Возвращаюсь въ полномъ отчаяніи въ Москву, и тутъ-то добрый геній въ видѣ бывшей фрейлины Императорскаго двора О. И. Темирязовой помогъ мнѣ. Добрѣйшая О. И. дала мнѣ рекомендательное письмо къ министру путей сообщенія К. Н. Посъету. Принявъ меня въ неурочное время и видя мое смущеніе, К. Н. обласкалъ меня, усадилъ въ кресло, внимательно выслушалъ и велѣлъ на слѣдующій день отправиться къ директору института В. П. Соболевскому. „Директоръ сегодня будетъ у меня на докладѣ,—сказалъ К. Н., и я дамъ ему необходимыя указанія“. На слѣдующій день утромъ поѣхалъ я къ В. П. Соболевскому, жившему въ то время на дачѣ въ Павловскѣ. Онъ принялъ меня въ халатѣ и туфляхъ. Сказалъ, что министръ все ему сказалъ и разрѣшилъ разсрочить экзамены до Рождества. „Вамъ, какъ будущему жителю Петербурга, будетъ очень полезно познакомиться и съ его окрестностями“, прибавилъ добрый В. П. „Я буду вашимъ чичероне по Павловску, а попутно мы съ вами зайдемъ къ К. Н. Коковцеву, который также здѣсь живетъ, и условимся насчетъ сроковъ экзаменовъ“. Ознакомившись такимъ путемъ съ Павловскомъ, получивъ отъ К. Н. Коковцева всѣ необходимыя данныя, я попрощался съ радушнымъ В. П. Соболевскимъ и поспѣшилъ сообщить кое-кому изъ своихъ товарищей по университету радостную вѣсть. Товарищами этими были: А. Е. Плакида, И. А. Козыревъ, Н. А. Альфонскій, С. Ф. Улинскій и Н. А. Самгинъ. Къ нашей группѣ присоединилось и еще нѣсколько лицъ, окончившихъ высшія учебныя заведенія, а именно: Филоненко, Спиро, Фесенковъ, Яблонскій и Тимофеевъ.

Въ началѣ сентября начались, насколько помню, и самые экзамены. Къ концу ноября 1880 г. я былъ уже на 2-мъ курсѣ, къ марту 1881 г. на 3-мъ, а въ маѣ того же года перешелъ на 4-й курсъ. Недостатокъ въ средствахъ къ существованію заставилъ меня параллельно съ занятіями въ Институтѣ искать частныхъ уроковъ. Судьба улыбнулась мнѣ, доставивъ довольно выгодный урокъ у тогдашняго начальника сыскной полиціи, извѣстнаго русскаго Лекока—Ивана Дмитріевича Путилина, сына котораго было предложено мнѣ приготовить въ институтъ путей сообщенія. Бывая въ семьѣ Путилиныхъ, мнѣ нерѣдко приходилось видѣть тамъ близкаго пріятели Ивана Дмитріевича—извѣстнаго рассказчика Ив. Фед. Горбунова. Увлечательныя повѣствованія самого Путилина о различныхъ выдающихся случаяхъ изъ его практики и преисполненные тонкаго юмора анекдоты Горбунова до сего времени живо запечатлѣлись въ моей памяти. Лѣто 1881 г. я провелъ сначала въ Старой Руссѣ, а засимъ въ усадьбѣ Путилина „Оснечкахъ“ на р. Волховѣ. Старорусское пребываніе особенно памятно по тому обстоятельству, что дачка, гдѣ пришлось мнѣ жить, находилась противъ домика Ф. М. Достоевскаго, любившаго сидѣть на скамеечкѣ подъ окнами этого домика и собирать вокругъ себя мѣстную дѣтвору. Идя ежедневно въ послѣобѣденное время въ читальню при старорусскомъ кургаузѣ, я почти каждый разъ сталкивался тамъ съ Достоевскимъ. Измученное одухотворенное лицо Федора Михайловича глубоко врѣзалось мнѣ въ память. Насколько припоминаю, онъ тогда только-что закончилъ романъ свой „Братья Карамазовы“, и началъ издавать извѣстный свой „Дневникъ писателя“. Осенью того же года я еще разъ встрѣтилъ его у Казанскаго собора, а потомъ вскорѣ его уже болѣе не стало.

Вернувшись къ началу занятій въ институтъ въ Петербургъ, я задумалъ жениться на дѣвушкѣ, съ которою былъ обрученъ уже три года и которая стала засимъ неизмѣннымъ, дорогимъ, вѣрнымъ и свѣтлымъ другомъ моимъ за все время далеко нелегкой борьбы съ жизнью, я сталъ искать нѣсколько болѣе обеспеченныхъ, чѣмъ частные уроки, занятій и поступилъ, благодаря содѣйствію того же В. Н. Кашперова, о которомъ упоминалъ выше, бывшего также близкимъ другомъ писателя Островскаго,—въ министерство земледѣлія и государственныхъ имуществъ (министромъ былъ братъ писателя Островскій) помощникомъ столоначальника на жалованье 800 руб. въ годъ. Въ томъ же 1881 г. состоялась моя свадьба, и мы поселились въ комнаткѣ въ пятомъ этажѣ на углу Кирпичнаго переулка и Большой Морской у французенки. До 12 часовъ

я занимался или въ Институтѣ или дома, засимъ отъ 1 часу дня до 5 час. въ министерствѣ, а потомъ, пообѣдавъ „слегка“ съ женою однимъ обѣдомъ отъ знаменитаго въ то время Мильбрета, снова занимался до поздняго вечера проектами. Жена усердно помогала мнѣ, переписывая пояснительныя записки. На экономію, наведенную на нашихъ желудкахъ въ теченіе недѣли, мы позволяли себѣ или пойти на галерку въ Михайловскій театръ или же устраивали *jeu-fix*ы съ чаемъ, лимономъ и пастилою, на которыхъ собирались близкіе намъ товарищи: А. Е. Плакида, И. А. Козыревъ, С. Ф. Улинскій, Н. А. Самганъ и, бывший однимъ курсомъ старше, С. К. Мишинъ. Съ удовольствіемъ вспоминаю объ этихъ скромныхъ „фиксахъ“, гдѣ молодость и надежды на розовое будущее сглаживали тяжелую булничную трудовую жизнь.

На слѣдующій годъ мы стали ожидать прибавленія семейства. Пришлось перебраться уже на маленькую квартирку въ Фонарномъ переулкѣ, гдѣ 1 ноября 1882 г. у родился у насъ сынъ. Вскорѣ стряслась надъ нами бѣда: жена тяжело заболѣла брюшнымъ тифомъ и находилась нѣсколько дней между жизнью и смертью. Въ то же время докторъ, боясь, чтобы молоко не бросилось ей въ голову, требовалъ, чтобы она продолжала кормить ребенка. Послѣдствія вскорѣ сказались: только что стала немного поправляться жена, какъ сынъ нашъ заболѣлъ въ самой тяжелой формѣ „родимчикомъ“, т. е. спазматическими конвульсіями съ пѣною у рта, при чемъ первые три дня болѣзни, припадки регулярно повторялись черезъ каждыя 3—5 минутъ, и нужно было неустанно бодрствовать, чтобы своевременно наложить ледяной компрессъ на голову посинѣвшаго малютки. И вотъ, въ этой ужасной обстановкѣ, сначала тифа жены, гдѣ между ложкою лѣкарства и смѣною компресса на ея головѣ, приходилось выводить циркулемъ заклепки на выпускномъ проектѣ моста, и болѣзнію сына, гдѣ въ два дня пришлось приготовиться къ выпускному экзамену изъ геодезіи, не упуская въ то же время занятій въ министерствѣ,—прошла эта ужасная зима 1883 года. Какъ мнѣ Господь помогъ окончить при такихъ условіяхъ курсъ, да еще по первому разряду—я и до сего времени понять не могу. Какъ ни какъ, а дипломъ въ карманѣ, и жена затѣяла отпраздновать счастливое событіе „кулебякою“ съ бутылкою вина. Явилась все та же компанія сотоварищей, и мы послѣ завтрака отправились первымъ дѣломъ въ Гостиный дворъ покупать столь желанныя инженерныя академическіе значки.

Оглядываясь на мое пребываніе въ Институтѣ, не могу воздержаться, чтобы не провести параллель сравненія съ другимъ высшимъ учебнымъ заведеніемъ, столь дорогимъ моему сердцу, Москов-

скимъ университетомъ. Не знаю, быть можетъ, теперь постановка дѣла въ Институтѣ иная, отношенія къ студентамъ иныя, но во время, которое описываю въ Институтѣ, я, привыкшій къ сердечному отеческому отношенію профессоровъ, изъ коихъ многіе были все же „свѣтилами“ науки,—наткнулся на одинъ только сухой чиновничій формализмъ и почти безучастное отношеніе къ читаемому предмету, а подчасъ и даже весьма малое знакомство съ практикою того же предмета. Изъ Института я не вынесъ ничего, кромѣ диплома, а все въ дальнѣйшемъ далъ мнѣ собственный упорный трудъ и практическія указанія опытныхъ, любящихъ свое дѣло инженеровъ.

Институтскіе профессора, за весьма немногими исключеніями, относились къ преподаваемымъ ими предметамъ, а также и къ самимъ студентамъ, совершенно безразлично. Курсы такихъ основныхъ предметовъ, какъ „Строительное Искусство“, „Водяныя Сообщенія“ и „Желѣзныя дороги“ — были весьма далеки отъ идеала. Такъ, напримѣръ, „Строительное Искусство“, читавшееся инспекторомъ института К. Н. Коковцевымъ, и „Водяныя Сообщенія“ профессоромъ Глушинскимъ—были компиляціями допотопныхъ данныхъ по сказаннымъ основнымъ наукамъ инженернаго искусства, которое между тѣмъ непрерывно двигалось впередъ. Но до движенія науки обоимъ почтеннымъ профессорамъ, очевидно, не было никакого дѣла. Основной и столь живой предметъ, какъ „Желѣзныя дороги“, требующій, между прочимъ, громаднаго практическаго опыта, при мнѣ два года не читался совсѣмъ, а послѣдній годъ пребыванія въ Институтѣ былъ порученъ въ общемъ весьма симпатичному и даровитому „репетитору“ (адъютантъ-профессору)—Я. Н. Гордѣнко, никогда не служившему на эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Не лучше была поставлена „Архитектура“, читавшаяся профессоромъ Соколовымъ по компилятивному извлеченію изъ извѣстнаго одноименнаго труда архитектора Красовскаго. Геодезія, заслуженнаго профессора Андреева, представляла собою переполненный опечатками сборникъ туманныхъ указаній по вышеупомянутому предмету, изъ котораго извлечь какой-либо практической пользы, при всемъ желаніи, было почти что невозможно. Нужно было прямо удивляться, какъ профессоръ Андреевъ ухитрился усложнить и затуманить понятія о самыхъ простыхъ повѣркахъ инструментовъ и основныхъ геодезическихъ дѣйствій. Къ слову сказать, и самыя инструменты, по которымъ приходилось изучать геодезію практически, представляли собою, за немногимъ исключеніемъ, нечто иное, какъ кучу антикварнаго хлама. Если прибавить къ этому, что одинъ изъ ближайшихъ помощниковъ профессора Андреева, репетиторъ

Вилькенъ, самъ даже не умѣлъ нивелировать, то картина состоянія преподаванія геодезіи въ институтѣ составитъ, думаю, достаточно полная. Мы, студенты, вздохнули нѣсколько свободнѣе, когда въ бытность мою уже на V курсѣ, вышла небольшая книжечка репетитора (нынѣ заслуженнаго профессора) Н. А. Богуславскаго, влившая свѣжую струю въ наши бѣдныя головы взаменъ туманныхъ бредней профессора Андреева.

Между тѣмъ требованія, предъявляемая всѣми поименованными представителями инженерной науки на экзаменахъ, были весьма строгі, а самые экзамены представляли собою лотерею въ полномъ смыслѣ этого слова. Вамъ предлагалось только два вопроса на экзаменѣ и, если случайно вы на одинъ изъ нихъ не могли отвѣтить и на другой вопросъ отвѣтили только хорошо, то дѣло ваше было плохо. Вамъ за первый ставили 1, а за второй—4, что въ среднемъ давало $\frac{5}{2} = 2\frac{1}{2}$, и вы считались не выдержавшимъ экзаменъ, хотя бы вы и знали въ общемъ весь предметъ весьма удовлетворительно, такъ какъ никакихъ другихъ вопросовъ или экзамена по всей программѣ, какъ это дѣлалось въ университетѣ, не полагалось и о вашихъ познаніяхъ судили только по двумъ вопросамъ. Вотъ почему у студентовъ Института было выработано правило: никогда не отказываться отъ вопроса, такъ какъ въ случаѣ отказа вамъ ставился 0, и если вы на другой вопросъ отвѣтили на 5— это васъ все-таки не спасало, ибо $\frac{0+5}{2} = 2\frac{1}{2}$.

Изъ всѣхъ профессоровъ спеціально инженерныхъ наукъ выдѣлялись дѣйствительно только Н. А. Бѣлелюбскій и Л. О. Николаи, старавшіеся читаемые ими курсы поставить на должную высоту современной науки. Оба были къ тому же отзывчивыми и вникавшими въ дѣйствительныя обстоятельства того или другого студента человека. Особенно памятенъ мнѣ бывшій со мною лично случай на IV курсѣ на экзаменѣ по мостамъ у профессора Николаи. Тяжелыя семейныя обстоятельства, случившіяся со мною во время самаго періода экзаменовъ въ Институтѣ, настолько подорвали во мнѣ всякую увѣренность, что я, не рассчитывая на собственную память, позволилъ себѣ не совсѣмъ легальный, но въ сущности совершенно безвредный для дѣла поступокъ: выписалъ на манжеткѣ лѣваго рукава нѣсколько конечныхъ формулъ по расчетамъ мостовъ. Сказанное обстоятельство подмѣтилъ одинъ изъ моихъ сотоварищей и когда я вышелъ къ доскѣ экзаменоваться, не постыдился сообщить на ухо профессору Николаи. Сей послѣдній тѣмъ не менѣе далъ мнѣ отвѣтить на билетъ и подойдя ко мнѣ спросилъ, чѣмъ вызвана была вышеуказанная записъ формулъ на рукавѣ. Когда я

чистосердечно объяснилъ ему свои семейныя обстоятельства, то онъ, хотя экзаменаціонный отвѣтъ мой былъ и далеко не важный, все-таки поставилъ мнѣ удовлетворительную отмѣтку.

На-ряду съ столь гуманнымъ профессоромъ были въ Институтѣ среди преподавателей и такія личности, кои, изъ личныхъ выгодъ, рѣшались и на не совсѣмъ корректныя дѣла. Такъ, напримѣръ, упомянутый выше репетиторъ Вилькенъ, весьма заинтересованный въ изысканія способовъ полученія наслѣдства послѣ тяжело больного въ то время родного моего дяди, сенатора А. С. Любимова, старавшійся всячески вредить мнѣ и по возможности удалить меня изъ С.-Петербурга, — не постѣснялся поставить мнѣ нуль на экзаменѣ по геодезіи по одному вопросу, хотя я этого совершенно не заслуживалъ, и только счастливая случайность помогла мнѣ выпутаться изъ этой бѣды.

Еще памяты мнѣ два случая за время пребыванія моего въ Институтѣ путей сообщенія. Это 1 марта 1881 г., день казни Перовской, Русакова и др. Перваго марта я и мой близкій товарищъ, Н. А. Самгинъ, сидѣли въ смежныхъ двухъ комнатахъ, нанимавшихся на Офицерской ул., въ д. № 8, у квартирной хозяйки „Анны Андреевны“, и усиленно готовились къ какимъ-то экзаменамъ. Вдругъ вбѣгаетъ къ намъ вся блѣдная, вышеупомянутая дама и кричитъ: „Сейчасъ убили Государя на Екатериненскомъ каналѣ. Я видѣла, какъ везли растрепаннаго съ краснымъ лицомъ убійцу (Русакова)“.

Товарищъ мой сейчасъ же одѣлся и побѣжалъ на Дворцовую площадь, гдѣ въ это время собралась уже громадная толпа народа въ безмолвномъ ожиданіи извѣстія о состояніи здоровья Государя. Когда печальная вѣсть о кончинѣ Государя была объявлена, толпа обнажила головы и перекрестилась, за исключеніемъ какой-то группы молодежи. Рядомъ съ этою группою стоялъ какой-то парень. Парень послѣ этого полѣзъ рукою въ карманъ и вытащилъ таковую мокрую и слегка окрашенною кровью. Оказалось, что парень этотъ благоговѣючи поднялъ на мѣстѣ покушенія на Екатериненскомъ каналѣ комъ, окрашенный кровью Государя, снѣга и спряталъ его, какъ реликвію себѣ въ карманъ полушубка, надѣясь, что морозъ не допуститъ комъ растаять до дому. Смотрѣвшая на парня группа той же молодежи громко расхохоталась и стала подшучивать надъ бѣднягою. Тогда окружавшая ихъ толпа остервенилась и жестоко избива насмѣшниковъ.

Второй эпизодъ касался, какъ выше было упомянуто, дня казни цареубійць. У меня былъ въ этотъ день экзаменъ по Начертательной геометріи и Теоріи тѣней. Идя утромъ въ Институтъ, я

увидѣлъ расклеенныя на всѣхъ углахъ объявленія, что казнь произойдетъ на Семеновскомъ плацу, но что одной изъ соучастницъ въ цареубійствѣ мѣщанкѣ Гессѣ Гельфманъ казнь отсрочивается до разрѣшенія ея отъ беременности. У меня отъ такого объявленія мурашки забѣгали по спинѣ, и самъ не свой сталъ я протискиваться — къ дверямъ Института, черезъ сплошную толпу народа, валившаго по Забалканскому проспекту къ мѣсту казни. Никогда я не забуду этой картины. Былъ ясный морозный день. Народъ бѣжалъ непрерывными потоками: тутъ были и старые люди, мужчины и женщины. Кто несъ скамейку, кто стулъ или столъ, чтобы только лучше видѣть, какъ будутъ казнить. Такое звѣрство толпы и объявленіе объ отсрочкѣ казни Гельфманъ такъ на меня подѣйствовало, что я чуть-чуть не провалился въ этотъ день на экзаменѣ, и только снисходительное отношеніе экзаменатора, уважаемаго полковника Н. И. Макарова, спасло меня и дало возможность перейти на слѣдующій курсъ.

Л. Н. Любимовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

